

Коктебель

И в мифах, и в стихах воспетый
Край синих, как мираж, холмов,
От зева «Золотых ворот»,
Неспешно уходящих в степи.

Земля, где камни жаждут ветра,
Где в прямом зное берегов
Так звонок жухлых трав покров,
Так тих прибой, в лучах согретый.

Здесь всё звучит, как песня света.
И гор угрюмое нутро,
И сердоликов разноцветие,
Средь гальки спрятанных хитро.

И поэтического века
Рассыпанное серебро.

Музей Волошина

Дом поэта. Акварель.
На пейзажах – скал громады.
Полки книг, холсты, бумаги.
Залит солнцем Коктебель.

Моря тёплая купель
Шумно плещет за оградой.
А в тени акаций сада
Белых лепестков метель.

Дня стихает карусель.
Вечер не принёс прохлады.
Затаившейся цикады
Нескончаемая трель.

Млечный Путь над Карадагом
И полыни тонкий хмель.

Феодосия

Рок эту землю прахом насыщал
Людских творений, малых и великих.
Исчез дворец античного владыки
И порта знаменитого причал.

Что строил генуэзский феодал,
Всё заросло давно бурьяном диким.
И кладка цитадели стала хлипкой,
Разобран, срыт средневековый вал.

Художник Феофан здесь украшал
Своей рукой абсиду базилики.
Не пощадило время эти лики,
Разбиты фрески, как простой фиал.

Но старый Фео, словно аксакал,
Глядит в былое с доброю улыбкой.

Армянская церковь у могилы Айвазовского

Немою поминальной молитвой
В глухой стене хачкар запечатлён.
Нет в этой церкви фресок и икон,
А лишь резные каменные плиты.

Ты, как внутри скалы, под сводом крипты
Молчанием и мраком окружён.
Наедине с десятками имён
Оттиснутых, оплаканных, забытых.

Какой здесь прошумел поток людской...
За семь столетий жизни городской
Не счесть тех, кто вошёл в предел айвана!

Но только одному судьбы рука
Здесь даровала славу на века,
Мальчишке Ованесу Гайвазяну.

Под дождём

Мелкий дождь за оконным стеклом,
Иногда пробегают машины.
Автостанция Старого Крыма,
Агармыша туманится склон.

На погосте задумчивый клён
Шелестит над могилою Грина.
Словно шепчет листва список длинный
Из давно позабытых имён.

Этот дождь, погружающий в сон,
Навевает былые картины
О Левкополе Екатерины,
О Солхате далёких времён.

И молчит, от всего отрешён,
Минарет у мечети старинной.

Бахчисарайская сиеста

Стих колокольчик вверх бредущих коз,
Что звал к вершинам гор Бахчисарая.
Внизу долины чаша золотая
Наполнена благоуханьем роз.

Их аромат пьянящий, как наркоз,
Всё сущее дневному сну вручает.
Поникли травы, дрёму источая,
Спит крепко над дорогою утёс.

Не слышно скрипа дальнего колёс.
Кругом покой полуденного края,
Сиесты южной тишина святая.
Ни ласточек не видно, ни стрекоз.

Не спят лишь тополя, неся свой пост
У мавзолеев и могил Гераев.

Пещерный город Тепе-Кермен

Одно из мест красивых на земле,
Где зеленью дубов покрыты горы,
Тепе-Кермен – забытый древний город,
Стоящий на утёса острие.

Придя к нему по узкой колее
Тропы лесной, под лиственным убором,
Увидишь склон и каменные норы
Старинных гротов, выбитых в скале.

Там в тихой и прохладной полумгле
Так гулко отдаётся каждый шорох.
Но эхо, прячась в тёмных коридорах
Веков, уже не выглянет на свет.

И никогда скала не даст ответ,
Кто жил в сени пещер в былую пору.

Старая башня

Пастушеский приют Чобан-Куле –
Высокий мыс, спасающий в ненастье,
Среди руин средневековой башни
Оставшийся от замка на скале.

И в утреннем росистом хрустале,
И на закате в розоватых красках,
Она всегда сурова и прекрасна,
Хранительница тайн, что спят в земле.

И в этом бесконечно долгом сне
Всё бродят тени рыцарей Гуаско.
Беспамятны, беззвучны, безучастны,
В туманной растворяясь пелене.

И грезит башня прошлым, словно сказкой,
Безлунной ночью в звёздной тишине.

В степи

Жарою истомлённые поля
После дождей благоухают прелью.
Степь разлила настоящее зелье
Полыни, чабреца и ковыля.

Лавандовые кущи шевеля,
Блуждает ветер в травах, словно в сельве.
И слушает, как шепчет стебель стеблю
О том, что помнит крымская земля.

Здесь проходил когда-то древний шлях,
И песни чумаков над ним летели,
Плелись волы, шагая еле-еле,
Телеги вязли в пыльных колеях,

Везя домой в наполненных кулях
Весь тяжкий труд просоленных артелей.

Дорога в горах

Страшной зубов озлобленных акул,
Отвесных скал громадные куртины
Зажали хищно узкую долину,
Где притаился маленький аул.

А вдоль дороги, словно караул,
Свирепым видом встретят пилигрима
Обломки глыб, расставленных лавиной
На выступах неровных горных скал.

Вот, как согбенный зноем саксаул,
Огромный можжевельник скрючил спину.
И всё темнее мрачные теснины,

Как будто пасть смыкает Вельзевул.
И где-то слышен водопада гул,
Как горных духов хор неуловимый.

В пещере

Огромной опрокинутою чашей
Пещеры страшный купол над тобой.
Здесь мир волшебный, тёмный и немой,
Подземный мир таинственных пейзажей.

Наплывы известковые, как стражи,
Хранят дворец нерукотворный свой.
Их взгляд горгоний чувствуешь спиной,
Путь освещая в мрачных недрах кряжей.

Луч фонаря скользнёт по сводам влажным.
И вдруг кварцит далёкою звездой
Сверкнёт и, словно Млечный Путь иной,

Блеск отразится в сталактите каждом.
И нет картины зрелищней и краше
Сиянья неба, скрытого землёй.

